

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА

Ниже публикуются два поэтических переложения «Слова о полку Игореве»: одно принадлежит поэту середины XIX века А.Н. Майкову, другое — поэту Н.А. Заболоцкому.

Переложение А.Н. Майкова публикуется по тексту «Собрания сочинений А.Н. Майкова», т. III, СПб, 1872. Переложению А.Н. Майкова предшествовала его большая работа по изучению «Слова о полку Игореве». Для нас часть из предложенных А.Н. Майковым толкований уже устарела — действительна же теперь главным образом поэтическая сила его переложения.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

В переложении А. Майкова

Не начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о старинных бранях, —
Песнь о храброй Игоревой рати
И о нем, о сыне Святославле!
И воспеть их, как поется ныне,
Не гоняясь мыслью за Бояном!
Песнь слагая, он, бывало, вещей,
Быстрой векшей по лесу носился,
Серым волком в чистом поле рыскал,
Что орел, ширял под облаками!
Как воспóмнит брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пустит
Десять быстрых соколов вдогонку;
И какую первую настигнет,
Для него и песню пой та лебедь, —

Песню пой о старом Ярославe ль,
О Мстиславe ль, что в бою зарезал,
Поборов, касожского Редедю,
Аль о славном о Романе Красном...
Но не десять соколов то было;
Десять он перстов пускал на струны,
И князьям, под вещими перстами, —
Сами струны славу рокотали!

Поведем же, братия, сказанье
От времен Владимировых древних,
Доведем до Игоревой брани,
Как он думу крепкую задумал,
Наострил отвагой храброй сердце,
Распалился славным ратным духом
И за землю Русскую дружины
В степь повел на ханов половецких.

У Донца был Игорь, только видит —
Словно тьмой полки его прикрыты,
И воззрел на светлое он Солнце —
Видит: Солнце — что двурогий месяц,
А в рогах был словно уголь горящий;
В темном небе звезды просияли;
У людей в глазах позеленело.
«Не добра ждать», — говорят в дружине,
Старики поникли головами:
«Быть убитым нам или пленённым!»
Князь же Игорь: «Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чем пленёну!
Но кому пророчится погибель —
Кто узнает, нам или поганым?»

А посядем на коней на борзых
Да посмотрим синего-то Дону!»
Не послушал знаменья он Солнца,
Распалясь взглянуть на Дон великий!
«Преломить копьё свое, — он кликнул, —
Вместе с вами, рúсичи, хочу я
На конце неведомого поля!
Или с вами голову сложити,
Иль испытъ златым шелóмом Дону!»

О Боян, о вещей песнотворец,
Соловей времен давно минувших!
Ах, тебе б певцом быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орлом под сизы тучи,
С древней славой новую свивая,
В путь Троянов мчась чрез дол на горы,
Воспевать бы Игореву славу!

То не буря соколов помчала,
То не стаи гáлчьи побежали
Чрез поля-луга на Дон великий...
Ах, тебе бы петь, о внук Велесов!..

За Сулóй-рекою да ржут кони,
Звон звенит во Киеве во стольном,
В Новеграде затрубили трубы;
Веют стяги красные в Путивле...
Поджидает Игорь мила брата;
А пришел и Всеволод и молвит:
«Игорь, брат, един ты свет мой светлый!
Святослави мы сыны, два брата!

Ты седлай коней своих ретивых,
А мои оседланы уж в Курске!
И мои куряне ль не смышлены!
Повиты под бранною трубою,
Повзросли под шлемом и кольчугой,
Со конца копья они вскормлены!
Все пути им сведомы, овраги!
Луки туги, тулы отворены,
Остры сабли, крепко отточены,
Сами скачут словно волки в поле,
Алчут чести, а для князя славы!..»

И вступил князь Игорь во злат стремя,
И дружины двинулись за князем.
Солнце путь их тьмою заступало;
Ночь пришла — та взвыла, застонала
И грозою птиц поразбудила.
Свист звериный встал кругом по степи;
Высоко поднявшись по древу,
Черный Див закликал, подавая
Весть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебе, болван Тмутороканский!
И бегут неэзжими путями
К Дону тьмы поганых, и отсюду
От телег их скрип пошел, — ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Дон великий держит,
А над ним беду уж чуют птицы
И несутся следом за полками;

Воют волки по крутым оврагам,
Ощетинясь, словно бурю кличут;
На красны щиты лисицы брешут,
А орлы своим зловещим клетком
По степям зверьё зовут на кости...

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!

Ночь редеет. Бел рассвет проглынул,
По степи туман понесся сизый;
Позамолкнул щекот соловьиный,
Галчий говор по кустам проснулся...
В поле Русь, с багряными щитами,
Длинным строем изрядилась к бою,
Алча чести, а для князя — славы.

И в пяток то было; спозаранья
Потоптали храбрые поганых!
По полю рассыпавшись, что стрелы,
Красных дев помчали половецких,
Оксами́ту, па́волоку и злата.
А мешков и всяких узорочий,
Кожухов и юрт такую силу,
Что мосты в грязях мостили ими.
Всё дружинке храброй отдал Игорь,
Красный стяг один себе оставил,
Красный стяг, серебряное древко,
С алой челкой, с белою хоругвью.

Дремлет храброе гнездо Олега.
Далеко, родное, залетело!

«Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебе, быстр сокол, пёстер кречет,
Ни тебе, зол ворон половчанин...»

А уж Гзак несется серым волком,
И Кончак за Гзаком им навстречу...

И в другой день полосой кровавой
Повещают день кровавый зори...
Идут тучи черные от моря,
Тьмой затмить хотят четыре солнца...
Синие в них молнии трепещут...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калёными стрелами!
Поломаться копьям о кольчуги,
Потупиться саблям о шеломы,
О шеломы половчан поганых!

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Веют ветры, уж наносят стрелы,
На полки их Игоревы сыплют...
Помутились, пожелтели реки,
Загудело поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли уж знамена плещут...
Ото всех сторон враги подходят —
И от Дона и от синя моря,
Обступают наших отовсюду!
Отовсюду бесовы исчадья
Понеслися с гиканьем и криком.

Молча Русь, отпор кругом готова,
Подняла щиты свои багряны.

Ярый тур ты, Всеволод! Стоишь ты
Впереди с курянами своими!
Прыщешь стрелами на вражьих воев,
О шелома их гремишь мечами!
Где ты, буй тур, ни поскачешь в битве,
Золотым посвечивая шлемом, —
Там валятся головы поганых,
Там трещат аварские шело́мы
Вкруг тебя от сабель молодецких!
Не считает ран уж он на теле!
Да ему о ранах ли тут помнить,
Коль забыл он и Чернигов славный,
Отчий стол, честны́ пиры княжие
И своей красавицы княгини,
Той ли светлой Глебовны, утехи,
Милый лик и ласковый обычай!

Были веки темного Трояна,
Ярослава годы миновали;
Были брани храброго Олега...
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Сеял стрелы по земле по Русской...
Затрубил он сбор в Тмуторокани:
Слышал трубы Всеволод великий,
И с утра в Чернигове Владимир
Сам в стенах закладывал ворота...
А Бориса ополчила слава
И на смертный одр его сложила
На зеленом поле у Кани́на...

Пал млад князь, пал храбрый Вячеславич,
За его ж, за Ольгову, обиду!
И с того зеленого же поля
На своих угóрских иноходцах
Ярополк увез и отче тело
Ко святой Софии в стольный Киев.
И тогда ж, в те злые дни Олега,
Сеялось крамолой и растилось
На Руси от внуков Гориславы;
Погибала жизнь Дажьбожьих внуков,
Сокращались веки человекам...
В дни те редко ратаи за плугом
На Руси покрикивали в поле;
Только враны каркали на трупах,
Галки речь вели между собою,
Далекó почуя мертвечину.

Так в те брани, так в те рати было,
Но такой, как Игорева битва,
На Руси не слыхано от века!

От зари до вечера, день целый,
С вечера до света реют стрелы,
Гремлют остры сабли о шеломы,
С треском копья ломаются булатны
Середí неведомого поля,
В самом сердце Половецкой стéпи!
Под копытом черное все поле
Было сплошь засеяно костями,
Было кровью алою полíто,
И взошел посев по Руси — горем!..

Что шумит-звонит перед зарею?
Скачет Игорь полк поворотити...
Жалко брата... Третий день уж бьются!
Третий день к полудню уж подходит:
Тут и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тут и оба брата
На Каяле быстрой разлучились...
Уж у храбрых русичей не стало
Тут вина кровавого для пира,
Попоили сватов, да и сами
Полегли за отческую землю!
В поле травы с жалости поникли,
Деревá с печали приклонились...

Невеселый час настал, о братья!
Уж пустыня скрыла поле боя,
Где легла Дажьбожья внука сила, —
Но над ней стоит ее Обида...
Обернулась девою Обида
И ступила на землю Трояню,
Распустила крылья лебедины
И, крылами плещучи у Дона,
В синем море плеща, громким гласом
О годах счастливых поминала:

«От усобиц княжьих — гибель Рýси!
Братья спорят: то мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,
На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отовсюду вóроги лихие!

Залетел далече ясный сокол,
Загоняя птиц ко синю морю, —
А полка уж Игорева нету!
На всю Русь поднялся вой поминок,
Поскочила Скорбь от веси к веси
И, мужей зовя на тризну, мечет
Им смолой пылающие роги...
Жены плачут, слезно причитают:
Уж ни мыслью милых нам не смыслить!
Уж ни думой лад своих не сдумать!
Ни очами нам на них не глянуть,
Златом, сребром нам уже не звякнуть!

Стонет Киев, тужит град Чернигов,
Широко печаль течет по Руси;
А князья куют себе крамолу,
А враги с победой в селах рыщут,
Собирают дань по белке с дыму...
А все храбрый Всеволод да Игорь!
То они зло лихо разбудили:
Усыпил было его могучий
Святослав, князь Киевский великий...
Был грозой для ханов половецких!
Наступил на землю их полками,
Притоптал их холмы и овраги,
Возмутил их реки и озера,
Иссушил потоки и болота!
А того поганого Кобяка,
Из полков железных половецких,
Словно вихрь, исторг из лукоморья —
И упал Кобяк во стольный Киев,
В золотую гридню к Святославу...

Немцы, греки, и венециане,
И моравы хвалят Святослава,
И корят все Игоря, смеются,
Что на дне Каялы половецкой
Погрузил он русскую рать-силу,
Рёку русским золотом засыпал
Да на ней же сам с седла златого
На седло кощя пересажен».

В городах затворены ворота.
Приумолкло на Руси веселье.
Смутен сон приснился Святославу.

«Снилось мне, — он сказывал боярам,
Что меня на кипарисном ложе,
На горах, здесь в Киеве, ох, черным
Одевали с вечера покровом;
С синим мне вином мешали зелье;
Из поганых половецких тулов
Крупный жемчуг сыпали на лоно;
На меня, на мертвеца, не смотрят, —
В терему ж золотоверхом словно
Из конька повыскочили доски,
И всю ночь прокаркали у Пленска,
Там, где прежде дебрь была Кисаня,
На подолье, стаи черных вранов,
Проносья несметной тучей к морю...»

Отвечали княжие бояре:

«Ум твой, княже, полонило горе!
С злат-стола два сокола слетели,
Захотев испить шелоном Дону,
Поискать себе Тмуторокани.

И подсекли половцы им крылья,
А самих опутали в железа!
В третий день внезапно тьма настала!
Оба солнца красные померкли,
Два столба багряные погасли,
С ними оба тьмой поволоклися
И в небесных безднах погрузились,
На веселье ханам половецким,
Молодые месяцы, два света —
Володимир с храбрым Святославом!
На Каяле Тьма наш Свет покрыла,
И простерлись половцы по Руси,
Словно люты пярдусовы гнезда!
Уж хула на славу нанеслася,
Зла нужда ударила на волю,
Черный Див повергнулся на землю,
Рад, что девы готские запели
По всему побережью синя моря!
Золотом позванивают русским,
Прославляют Бусовы победы
И лелеют месть за Шарукана...
До веселья ль, княже, тут дружине!»

Изронил тогда в ответ боярам
Святослав из уст златое слово,
Горючъмй слезами облитое:

«Детки, детки, Всеволод мой, Игорь!
Сыновцы мои вы дорогие!
Не в пору искать пошли вы славы
И громить мечами вражью землю!
Ни победой, ни пролитой кровью
Для себя не добыли вы чести!

Да сердца-то ваши удалые
На огне искованы на лютом,
Во отваге буйной закалёны!
Что теперь вы, дети, сотворили
С сединой серебряной моею?
Нет со мной уж брата Ярослава!
Он ли сильный, он ли многоратный,
Со своей черниговской дружиной!
А его Могúты и Татра́ны,
Топчаки́, Ревúги и Ольбе́ры,
Те — с ножами, без щитов, лишь кликом,
Бранной славой прадедам ревнуя,
Побеждают полчища и рати...
Вы ж возмнили: сами одолеем!
Всю сорвем, что в будущем есть, славу,
Да и ту, что добыли уж деды!..

Старику б помолодеть не диво!
Вьет гнездо сокол и птиц взбивает,
Своего гнезда не даст в обиду,
Да беда — в князьях мне нет помощи!
Времена тяжелые настали:
Крик в Ромна́х под саблей половецкой!
Володимир ранами изъязвлен,
Стонет, тужит Глебович удалый...
Что ж ты, княже, Всеволод великий!
И не в мысль тебе перелетети,
Издалёка поблюсти стол отчий?
Мог бы Волгу веслами разбрызгать,
Мог бы Дон шелóмами расчерпать!
Будь ты здесь, да половцев толпою
Продавали б — девка по ногате,

Смерд-кощей по рѣзани пошел бы!
Ведь стрелять и посуху ты можешь:
У тебя живые самострелы —
Двое братьев, Глебовичей храбрых!

Ты, буй Рюрик, ты, Давыд удалый!
Вы ль с дружиной по златые шлемы
Во крови не плавали во вражьей?
Ваши ль рати не рычат по степи,
Словно туры, раненные саблей!
Ой, вступите в золотое стремя,
Распалитесь гневом за обиду
Вы за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Остромысл ты вещей, Ярослав...
Высоко на золотом престоле
Восседаешь в Галиче ты крепком!
Пóдпер ты своей железной ратью,
Что стеной, Карпатские угорья,
Заградив для короля дорогу,
Затворив ворота на Дунае,
Через тучи сыпля горы камней
И судя до самого Дуная!
И текут от твоего престола
По землям на супротивных грозы...
Отворяешь в Киеве ворота,
Мечешь стрелы за́ земли в салтанов!..
Ах, стреляй в поганого кощея,
Разгроми Конча́ка за обиду,
Встань за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Ты, Роман, с своим Мстиславом верным!
Смело мысль стремится ваш ум на подвиг!
Ты, могучий, в замыслах высоко
Возлетаешь, что сокол ширяя
На ветрах над верною добычей...
Грудь у вас из-под латинских шлемов
Вся покрыта кольчатой сеткой!
Перед вами трепетали земли,
Потрясались Хиновские страны,
Деремела ж, половцы с литвою
И ятвяги палицы бросали
И во прах кидались перед вами!
Свет, о князь, от Игоря уходит!
Не на благо лист спадает с древа!
По Роси́, Суле́ враг грады делит,
А полку уж Игорева нету!
Дон зовет, Роман, тебя на подвиг,
Всех князей сзывает на победу,
А одни лишь ольговичи вняли
И на брань на зов его доспели...

Ингварь, Всеволод и вы, три брата,
Вы, три сына храброго Мстислава,
Не худа гнезда птенцы крылаты!
Отчин вы мечом не добывали —
Где же ваши шлемы золотые?
Аль уж нет щитов и ляшских палиц?
Заградите острыми стрелами
Воротá на Русь с широкой степи!
Потрудитесь, князи, в поле ратном,
Все за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Уж не той серебряной струею
Потекла Сула к Переяславлю,
И Двина пошла уже болотом,
Взмущена врагом, под грозный Полоцк!
Услыхал и Полоцк крик поганых!
Изяслав булатными мечами
Позвонил один о вражьи шлемы,
Да разбил лишь дедовскую славу,
Сам сражен литовскими мечами
И изрублен на траве кровавой,
Под щитами красными своими!
И, на том одре на смертном лёжа,
Сам сказал: «Вороньими крылами
Придел ты, князь, свою дружину,
Полизать зверям ее дал крови!»
И один, без брата Брячислава,
Без другого Всеволода-брата,
Изронил жемчужную он душу;
Изронил один из храбра тела,
Сквозь свое золотое ожерелье!..
И поникло в отчине веселье,
В Городне трубят печально трубы...

Все вы, внуки грозного Всеслава,
Опустите ваши красны стяги
И в ножны мечи свои вложите:
Вы из дедней выскочили славы!
В ваших сварах первые вы стали
Наводить на отчий край поганых!
И от вас не лучше половецких,
Таковы ж насилья были Русь!
Загадал о дедине любезной

Тот Всеслав, на Киев жребий бросил,
На коня вскочил он и помчался,
Да лишь древком копий добился
До его престола золотого!
В ночь бежал оттуда лютым зверем,
Синей мглой из Бѣлграда поднялся,
Утром бил уж стены в Новеградѣ,
Ярослава славу порушáя...
Проскочил оттуда серым волком,
От Дудуток на реку Немигу...
Не снопы то стелют на Немиге —
Человечьи головы кидают!
Не цепами молотят — мечами!
Жизнь на ток кладут и веют душу,
Веют душу храбрую от тела!
Ох, не житом сеяны — костями
Берега кровавые Немиги,
Всѣ своими русскими костями!..
Днем Всеслав суды судил народу
И ряды рядил между князьями,
В ночь же волком побежит, бывало,
К петухам в Тмуторокань поспеет,
Хорсу путь его перебегая!
Да! ему заутреню, бывало,
Зазвонят у полоцкой Софии,
Он же звон у киевской уж слушал!
А хотя и с вещею душою
Был, великий, в богатырском теле,
Все ж беды терпел-таки немало!
Про него и спел Боян припевку:
«Будь хитер-горазд, летай хоть птицей,
Всѣ суда ты божьего не минешь!»

Ох, стонать земле великой Русской,
Про князей вспоминая давних,
Вспоминая прежнее их время!
Да нельзя ж ведь было пригвоздити
Ко горам ко киевским высоким
Старика Владимира навеки!
По рукам пошли его знамена,
И уж розно машут бунчуками,
Розно копыя петь пошли по рекам!

Игорь слышит Ярославнин голос...
Там, в земле незнаемой, поўтру
Рáным-рано ласточкой щебечет:
«По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бегрян рукав в Каяле,
Оботру кровавы раны князю
На белóм его могучем теле!..»

Там она, в Путивле, рáным-рано
На стене стоит и причитает:

«Ветр-ветрило! Что ты, господине,
Что ты веешь, что на легких крыльях
Носишь стрелы в храбрых воев лады!
В небесах, под облаки бы веял,
По морям кораблики лелеял,
А то веешь, веешь — развеваешь
На ковыль-траву мое веселье...»

Там она, в Путивле, рáным-рано
На стене стоит и причитает:

«Ты ли, Днепр мой, Днепр ты мой
Славутич!

По земле прошел ты Половецкой,
Пробивал ты каменные горы!
Ты лады лелеял Святослава,
До земли Кобяковой носил их...
Прилелей ко мне мою ты ладу,
Чтоб мне слез не слать к нему с тобою
По сырým зорьям на сине море!..»

Рано-рано уж она в Путивле
На стене стоит и причитает:

«Светлое, тресветлое ты Солнце,
Ах, для всех красно, тепло ты, Солнце!
Что ж ты, Солнце, с неба устремило
Жаркий луч на лады храбрых воев!
Жаждой их томишь в безводном поле,
Сушишь-гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы...»

Сине море прыснуло к полночи.
Мглой встают, идут смерчи морские:
Кажет бог князь-Игорю дорогу
Из земли далекой Половецкой
К золотому отчему престолу.

Погасают сумерки сквозь тучи...
Игорь спит, не спит, крылатой мыслью
Мерит поле ко Донцу от Дона.
За рекой Овлур к полночи свищет,
По коня он свищет, повещает:
«Выходи, князь Игорь, из полона».

Ветер воег, пронорясь по степи,
И шатаег вежи половецки:
Шелестит-шуршит ковыль высокий,
И шумит-гудит земля сырая...
Горностаем скок в тростник князь Игорьь,
Что бел гоголь по воде ныряет,
На быстра добра коня садится;
По лугам Донца что волк несется;
Что сокол летит в сырых туманах,
Лебедей, гусей себе стреляет
На обед, на завтрак и на ужин.

Что сокол летит князь светлый Игорьь,
Что сер волк Овлур за ним несется,
Студену росу с травы стряхая.
Уж лихих коней давно загнали.

Вран не каркнет, галчий стихнул говор,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползают по ветвям,
Дятлы тектом путь к реке казуют,
Соловьи свист зори повещает...

Говорит Донец: «Ох, князь ты Игорьь!
Величанья ж ты себе да добыл,
А Кончаку всякого проклятья,
Русской всей земле светла веселья!»

Отвечал Донцу князь светлый Игорьь:
«Донче, Донче, ты ли, тихоструйный!
И тебе да будет величанье,
Что меня ты на волнах лелеял,
Зелену траву мне стлал в постелю
На своем серебряном побережье,

Теплой мглою на меня ты веял
Под темной зеленою ракитой;
Серой уткой сторожил на русле,
На струях — чирком, на ветрах — чайкой...
Вот Стугна, о Донче, не такая!
Как пожрет-попьет ручьи чужие,
По кустам, по долам разольется!..
Ростислава-юношу пожрала,
На Днепре ж, на темном побережье,
Плачет мать по юноше, по князе;
Приуныли с жалости цветочки,
Дерева с печали приклонились...»

Не сороки — чу! — застрекотали:
Едут Гзак с Кончаком в злу погоню.

Молвит Гзак Кончаку на погони:
«Коль сокол к гнезду летит, урвался,
Уж младá соколика не пустим,
А поставим друга в чистом поле,
Расстреляем стрелами златыми».

И в ответ Кончак ко люту Гзаку:
«Коль сокол к гнезду летит, урвался,
Скольца опутаем потуже
Крепкой цепью — красною девицей».

Гзак в ответ Кончаку слово молвит:
«Коль опутать красною девицей,
Не видать ни сокольца младого,
Не видать ни красной нам девицы;

А их детки бить почнут нас в поле,
Здесь же, в нашем поле половецком».

Стародавних былей песнотворец,
Ярослава певший и Олега,
Так-то в песне пел про Святослава:
«Тяжело главе без плеч могучих,
Горе телу без главы разумной».
И земле так горько было Русской
Без уда́ла Игоря, без князя...
Ан на небе солнце засветило:
Игорь-князь в земле уж скачет Русской.
На Дунае девицы запели;
Через море песнь отдалась в Киев.
Игорь едет, на Боричев держит,
Ко святой иконе Пирогощей.
В селах радость, в городах веселье;
Все князей поют и величают,
Пёрво — старших, а за ними — младших.
Воспоем и мы: свет-Игорь — слава!
Буй тур свету-Всеволоду — слава!
Володимир Игоревич — слава!
Святославу Ольговичу — слава!
Вам на здравье, князи и дружина,
Христиан поборцы на поганых!

Слава князьям и дружине!
Аминь.